

УДК 316.42

Л.Ю. Анисимова

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Анализируется современная социальная политика в историческом контексте, рассматривается процесс неравномерности экономического развития регионов. Красноярский край с экономической точки зрения является богатым краем, но в социальной сфере он один из отсталых регионов. Сделаны предложения по совершенствованию социальной политики в регионе.

Ключевые слова: социальная политика, регион, перспективы.

Приближается 20-летие со дня распада Союза ССР. На части его территории началось становление новой государственности Российской Федерации (РФ). Этот процесс идет в условиях всеобщего кризиса российского общества: геополитического, идеологического, политического, экономического, социально-культурного. Сегодня едва ли можно сказать, что Россия уже нашла свое «место под солнцем» и определилась со своей общественной системой, возникшей после государственного переворота в декабре 1991 г. Проблема будущего России не перестает будоражить нашу общественность. Смена государственно-монополистической («авторитарной») на либеральную модель развития общества обусловила длительность системного кризиса, острый недостаток знания об угрозах и рисках в их динамике. Социальная сфера является одной из государственных подсистем. Фактически она определяет историческую судьбу любого государства. Поэтому анализ социальной политики, в том числе и на региональном уровне, имеет не только научное, но и прикладное значение.

Особенностью социального развития регионов в любом государстве является неравенство их социально-экономического и социокультурного развития, обусловленного природными, географическими, историческими условиями, образом жизни населения. Красноярский край входит в восьмерку регионов-доноров. Итоги и перспективы развития социальной политики в регионе определяются ролью и местом Красноярского края в мире и в России, внутрирегиональными особенностями взаимоотношения природы и общества.

На социальную политику в регионе заметно повлияли исторические факторы. В современной литературе принято характеризовать 70–80-е гг. XX в. в СССР «застойными». На наш взгляд, это понятие не учитывает региональную неравномерность развития. В 70–80-е гг. XX в. в Краснояр-

ском крае проводились две всесоюзные экспериментальные десятилетки по комплексному развитию производительных сил региона, которые приняли характер индустриализации, урбанизации и повышения культурно-бытового уровня развития населения. Об особенностях Красноярского края (первый секретарь Красноярского крайкома КПСС П.С. Федирко) можно судить по таблице, составленной И.Е. Жмаковым. Автор сравнил его со Ставропольским краем (первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС М.С. Горбачев), который во всех сферах общества развивался более медленными темпами.

Таблица
Развитие производства продукции Красноярского и Ставропольского краев (1970–1980-е гг.)

Показатели производства	Красноярский край	Ставропольский край
Трикотажных изделий (млн шт.)	8,2	0,2
Кондитерских изделий (тыс. шт.)	11,7	6,3
Мясо промышленной переработки (тыс. т)	31,7	28,8
Животного масла (тыс. т.)	5,7	1,5
Розничный товарооборот (млн руб.)	1562	1150

Более весомыми были преимущества сибиряков по сравнению не только со Ставропольским краем, но и многими другими регионами европейской части страны в сфере промышленности, строительства, лесной, добывающей и других отраслей народного хозяйства. За исследуемый период в крае были созданы условия для формирования высокоэффективных крупных территориально-производственных комплексов. Красноярский край по вводу промышленных предприятий занимал в РСФСР 2-е место, по капитальным вложениям 3-е место, а по социально-культурно-

бытовым объектам – последние места. Нормы обеспеченности населения школами, больницами и клубами, соответственно, были ниже в 10,7 и 13 раз, чем по СССР в целом. Красноярцы жили в 3–4 раза хуже, чем работали. Политика неэквивалентного обмена с другими регионами страны приняла черты своеобразного экономического геноцида по отношению к сибирякам. В Сибири проживало 10% населения, а производили они 25% продукции добывающей промышленности, более 50% гидроресурсов СССР. Производительность труда красноярцев была в 1,5 раза выше средней по стране. Из края «чистый» вывоз превышал ввоз не менее чем в 2 раза по внутренним ценам, а по мировым ценам красноярцы получали 6–10% от стоимости произведенной продукции.

Однако бурное освоение региона имело свои негативные последствия в «переходный период» от государственно-монополистической к либеральной модели развития общества. Объемы и темпы разрушения систем жизнеобеспечения красноярцев, которые и на старте были ниже среднероссийских, оказались значительно масштабнее, чем в других регионах России. В крае полностью или частично были разрушены предприятия военно-промышленного комплекса (ВПК), химическая, машиностроительная, сельскохозяйственная и лесная отрасли. В результате социальная сфера в форме так называемых общественных фондов потребления (детские дошкольные и школьные учреждения, пионерские лагеря, базы отдыха, профилактории и пр.) были переданы на балансы муниципальных управлений, не имевших бюджетных средств, что привело к сокращению ее материально-технической базы, образованию дополнительной безработицы, а ныне – к острому дефициту услуг в этой сфере.

На социальную сферу оказала негативное влияние структурная перестройка региональной экономики. Сегодня край идет по сырьевому варианту развития, превратившись в пространство, на котором действуют «операторы» глобальной экономики исходя из критериев собственной эффективности. В экономике доля цветной металлургии равна 68,4%, черной металлургии – 0,4%, электроэнергетики – 9,6%, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной – 4,0%, химической и нефтехимической – 1,6%, топливной – 3,4%, пищевой – 4,3%, машиностроения и металлообработки – 5,8%, прочих – 2,5%. Как видим, экономика края имеет ярко выраженный монопрофильный характер. В регионе имеется огромный природно-ресурсный потенциал, топливно-энергетический комплекс и цветная металлургия (так, например,

разведанные запасы металлов платиновой группы составляют 99% от российских запасов, никеля – 71%, меди – 43%, свинца – 42%, угля – 24%, золота – 13%, нефти – 3%, природного газа – 5%). Кроме того, началось бурное освоение Нижнего Приангарья с его богатейшим природно-ресурсным потенциалом. Направленность региональной экономической политики превращает край в сырьевой придаток зарубежных стран, ставит в технологическую зависимость от них и грозит в обозримом будущем национальной безопасности не только региона, но и в целом РФ.

В последние годы в отечественной политической лексике РФ стали именовать «бензиновым государством». То есть РФ прочно интегрировалась в мировой порядок как поставщик важнейших полезных ископаемых. Красноярский край в РФ – это тоже своего рода «товар», «продукт», за счет которых не только прирастает могущество России, но в решающей степени зависит устойчивость ее внутреннего и международного положения. При этом региональная экономика открылась мировому рынку, не будучи конкурентоспособной. «Свободная» внешняя торговля автоматически и очень быстро привела к деиндустриализации страны и региона.

В рассматриваемый период в регионе наблюдаются противоположно направленные тенденции социального и экономического развития. Современные собственники («олигархи») исходят из критерия личного обогащения, а не социокультурного развития региона РФ. Налоговые отчисления в бюджет Красноярского края алюминиевой транснациональной компанией «Русал» в 2011 г. составили 1 млрд 200 млн рублей, что ниже доходов владельца «Русала» О. Дерипаски.

Вывоз капитала и природных ресурсов за рубеж через транснациональные компании принял такие размеры, которые ставят под угрозу жизнеобеспечение россиян уже в ближайшем будущем. Так, например, в 1990 г. из СССР на экспорт ушло 27,8% добытой нефти, а в 2005 г. из РФ – 77,3%. Для внутреннего потребления в 1985 г. в РСФСР оставалось по 2,5 т нефти на душу населения, а в 2005 г. – по 0,72 т, то есть в три с половиной раза меньше [1. С. 31]. По оценке Г.Явлинского, в современной России, экономика которой базируется на экспорте природных ресурсов, власть может обеспечить нормальный «западноевропейский уровень жизни не более чем для 50 млн своих граждан» [2. С. 55–56]. По нашим подсчетам, в Красноярском крае таких граждан примерно 100–150 тыс. человек. Это те социальные слои общества, которые в той или иной степени потребляют

доходы от экспортных ресурсов. Остальные же более чем 90 млн в РФ, из них более 2,7 млн в крае, не имеющие такого доступа, вынуждены жить в ином социальном пространстве.

Казалось бы, Красноярский край, являясь в РФ субъектом-донором, мог стать примером компромисса, справедливого распределения доходов между современной экономической элитой «бензинового государства» и его «аутсайдерами». Однако подобного не происходит и, думается, в ближайшем будущем не произойдет. История социально-экономического развития Красноярского края подтверждает вывод А.В. Рябова (гл. редактора журнала «Международная экономика и международные отношения») о том, что в «сознании элиты доминируют идеи экономического либерализма и минимизации социальных функций государства» [3. С. 109]. Социальные реформы, реализуемые в Красноярске, преследуют лишь одну цель – снижение бюджетной нагрузки, что приводит к сокращению доступа основной массы населения к достижениям современной цивилизации в области образования, науки, здравоохранения и в целом жизнеобеспечения.

Социально-экономическая незащищенность основной массы населения региона проявляется не только в материализованном сознании современной элиты (о чем мы писали выше), но и в реализации ею структурной перестройки народнохозяйственного комплекса региона в его экологической политике. В Красноярском крае ведется техногенно опасное производство цветных металлов, тепло- и гидроэнергетики (ГЭС), столица же региона фактически превращена в склад для хранения ядерных отходов. При этом износ тепло- и гидроэнергетики подходит к пределу. Из-за Дивногорской ГЭС в Красноярске поднялись грунтовые воды, что создало техногенную угрозу жилому фонду мегаполиса, в Саянских горах повысилась сейсмическая неустойчивость.

Социальная политика в Красноярском крае в 1991–2011 гг. оказалась низкоэффективной. В эти годы была проведена большая организаторская работа по сохранению и стабилизации сети учреждений социального обслуживания населения, в которой их насчитывается более 1000 с более чем 15 тыс. работающих, определены слои социально не защищенных и слаботзащищенных категорий населения, которым, хотя и в недостаточном объеме, оказывается различная помощь, ведется подготовка специалистов социальной работы разной квалификации и пр. Однако проблему устойчивого демографического развития в регионе решить не удалось. Здесь с 1993 г. смертность стала пре-

вышать рождаемость населения. Эту тенденцию не удалось переломить по сей день. По расчетам А.В. Задорина, к 2020–2022 гг. в условиях старения население Красноярского края сократится примерно на 40,5%, или на 1171,9 тыс. человек [4. С. 81]. Специалисты (в том числе и медики) представили президенту РФ доклад, из которого следует: из нынешнего поколения родившихся мальчиков 40% не доживут до 60 лет. Зловеще велико в России количество абортот. Россия лидирует по числу материнских потерь не только от абортов, но и при рождении ребенка. За сто тысяч новорожденных мы расплачиваемся 60 матерями, что в 15–20 больше, чем в других странах мира.

Структура смертности свидетельствует о том, что она приближается к той, что бывает во время войны: главным образом, растут потери за счет внешних причин. На них приходится почти половина всех смертей. А это уже напрямую связано с так называемыми «преобразованиями» в России. Мы видим сегодня, с одной стороны, сотни тысяч мигрантов, беженцев, беспризорников на территории России, с другой – наполовину заглохшее производство и необъятные просторы страны за Уральским хребтом, где на территории, равной трем четвертям всего государства, проживает всего 32,4 млн россиян под боком более чем 1350-миллионного Китая. Таким образом, реально существует геополитическая и социокультурная катастрофа. Наступил момент, когда иллюзия благосостояния сменилась реальной нищетой на грани физического выживания.

Для России необходима смена парадигмы общественного развития. Здесь мы обозначим лишь некоторые меры, способные изменить саму систему социального обслуживания красноярцев. По мнению С.Г. Кара-Мурзы, М.Д. Северьянова, Россия и Красноярский край в ближайшей перспективе останутся в центре геополитических интересов стран АТР, Европы и США, в планы которых входит как расчленение территории России на отдельные республики, в том числе Сибирскую, так и увеличение добычи природных ресурсов с целью их экспорта. В подобных условиях целесообразно перейти на регулируемую социальную экономику. В основе ее должны быть заложены следующие приоритеты: высокое благосостояние граждан, как важнейшее условие наличия платежеспособного спроса и большой емкости рынка, стимулирующих развитие производства и научно-технический прогресс, дающих большие налоговые поступления в государственную казну; использование природных ресурсов и природной ренты, находящихся в общественной собственно-

сти, в интересах всего общества, а не кучки олигархов [5. С. 20–22]; переход на подоходно-прогрессивное налоговое обложение; перерегистрация всех транснациональных компаний с постановкой их на налоговый учет в добывающих регионах страны; максимальное развитие самоуправления на местах, не нарушая верховенства центральной власти и не ставя под угрозу целостность государства.

Социальное благополучие красноярцев, как и всех россиян, напрямую зависит от состояния агропромышленного комплекса (АПК) страны и региона. Красноярский край относится к тем регионам РФ, который может не только обеспечить себя основной продукцией полеводства и животноводства, но и сделать ее экспортной статьей. Современная структура сельскохозяйственного производства крайне неудовлетворительна. 57% сельских домохозяйств (до 1994 г. – личное подсобное хозяйство), которые в 1980-е гг. в бюджет семьи давали 27% от общей суммы дохода в 2005 г. произвели 58% валовой продукции сельского хозяйства, 41% произвели сельскохозяйственные организации и лишь 2% – крестьянские фермерские хозяйства.

Какова экономика, такова и социальная сфера. Из 1000 человек Красноярского края 336 получают доход от трудовой деятельности, 243 находятся на иждивении отдельных лиц, 118 имеют личные подсобные хозяйства, 297 рассчитывают на разные виды государственного обеспечения [6. С. 33]. Из них удовлетворены материальным положением только 13%, не вполне удовлетворены 52%, считают свою семью малообеспеченной 32% [7. С. 66]. На сегодняшний день доходы сельских жителей почти в 6 раз меньше, чем в 1990 г. Заработная плата в сельском хозяйстве остается самой низкой в экономике. Разрыв в оплате труда по сравнению с промышленностью увеличился до 3,2 раза. Доля бедного сельского населения повысилась до 70% (по сравнению с 55% в городе), а по денежным доходам – до 80% (в городе до 58%). Цена рабочей силы в сельском хозяйстве составляет 65% размера прожиточного минимума трудоспособного населения. Безработица на селе перешла в застойную форму. При этом в регионе органы службы занятости не ставят на учет безработных при наличии у них земельного пая, приусадебного участка, дохода от сдачи земли или имущества в аренду [8. С. 192].

С целью улучшения решения социальных проблем в Красноярском крае следует изменить поселенческую структуру в сторону ее укрупнения. Сегодня в сельской местности поселенческая

структура напоминает структуру доколхозной деревни. За 1989–2002 гг. число сельских жителей сократилось на 102,3 тыс. человек. Наибольшее сокращение жителей происходит в северных районах, что свидетельствует о недостаточности компенсационных социальных затрат для малочисленных и иных этносов районов Крайнего Севера. Корректировка поселенческой структуры обусловлена необходимостью освоения районов Нижнего Приангарья, где не хватает примерно 600 тыс. человек. Миграционный поток в районы освоения можно было бы направить из других регионов Красноярского края, где имеется скрытая и легитимная безработица. 2966,0 тыс. красноярцев проживают в 71 городском поселении (городах и поселках городского типа) и 1649 сельских населенных пунктах.

Таким образом, в Красноярском крае остро назрела необходимость перехода от адресной к социальной государственной политике, соответствующей реалиям сегодняшнего дня. Восстановление отечественного народного хозяйства на новой инновационной основе (вторая индустриализация) – задача хотя и неотложная, но будет иметь ярых противников за рубежом. В этих условиях восстановление экономики становится жизненно необходимой задачей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кара-Мурза С.Г. Императив перехода к инновационному развитию: состояние на старте. Социально-гуманитарные знания. 2008. №2. С. 28–42.
2. Явлинский Г. Демодернизация // Современная Россия: экономические оценки и политические выводы. М., 2002. 64 с.
3. Рябов А.В. Российские реформы: путь модернизации или оптимизации существующей системы? // На пути к гражданскому обществу: Сборник аналитических материалов по итогам Международного молодежного политологического форума «Форос-Сибирь 2006». Новосибирск, 2006. С. 109.
4. Задорин А.В. Демографическая ситуация в Красноярском крае в начале XXI века: грозит ли региону депопуляция // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Международ. конф., посвящ. 75-летию Красноярского края. Красноярск, 19–21 ноября 2009 г. Красноярск, 2009. 352 с.
5. Дашичев В.И. Какая модель общественного развития нужна России? // Социально-гуманитарные знания. 2008. №2. С. 3–27.
6. Васильева Л.П. Демографическая ситуация в Красноярском крае по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года // Семейная политика в Красноярском крае: состояние и перспективы развития: Сб. материалов краевой науч.-практ. конф. Красноярск, 2005.
7. О положении семьи в Красноярском крае. Красноярск, 2005.
8. Толстоуцкая Ю.В. Проблемы сельского рынка. Пути преодоления кризиса // Духовно-исторические чтения. Вып. XII: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2007. С. 191–195.